

Międzynarodowa Komisja Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich Klagenfurt, 23.-25.09.2021

Adrian Barentsen

О РАЗЛИЧИЯХ ВО ВСТРЕЧАЕМОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РАЗНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (ПО ДАННЫМ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА)

Деепричастия (например русские формы *открывая/открыв*) представлены во всех современных славянских литературных языках. Однако в их морфологическом оформлении наблюдаются заметные различия, что отмечается фактически во всех обзорах славянских языков. Намного труднее найти какие-либо сведения о различиях в употребляемости таких форм. Мне показалось интересным рассмотреть этот вопрос, используя тексты параллельного корпуса ASPAC (Amsterdam Slavic Parallel Aligned Corpus).

Из ряда повествовательных текстов и их переводов на основные славянские языки были собраны все деепричастия. В настоящий момент исходными текстами являются следующие: Михаил Булгаков: *Мастер и Маргарита*; Николай Островский: *Как закалялась сталь*; Carlo Collodi *Le avventure di Pinocchio*; Franz Kafka *Die Verwandlung* и J.R.R. Tolkien *The Hobbit* (т.е. как славянские, так и неславянские) и их переводы. При выборе текстов учтено также наличие нескольких параллельных переводов на один язык. (Интересно влияние личного стиля переводчиков.)

На основе этого материала в докладе будут приведены некоторые количественные данные. Несмотря на то, что материал имеет еще предварительный характер, эти данные все же указывают на то, что по частотности употребления деепричастий в повествовательных текстах славянские языки достаточно сильно различаются. На основе этих различий их можно разделить на несколько групп.

Rosanna Benacchio

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ИТЕРАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ В СЕРБСКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

В докладе рассматривается употребление глагольного вида в итеративных контекстах в настоящем и прошедшем временах в сербском и хорватском языках. Анализируются случаи колебания при выборе СВ и НСВ (ср. *Kad sam žedan popijem pivo* vs. *Kad sam žedan pijem pivo*). Покажем, что выбор связан с акциональным характером предиката: при выражении (многократного) достижения предела может появляться СВ; в обратном случае употребляется НСВ. Материал анализа, взятый из хорватского национального корпуса (HNK) и из корпуса современного сербского языка (SrpKor), был предложен информантам для проверки.

Tilman Berger

IS THERE A PROSPECTIVE IN CZECH?

The emergence of a “new” future tense with the help of the verb *to go* is known from languages like English or French (cf. examples like engl. *it is going to rain* or fr. *il va pleuvoir*). This type of future tense is also known as “prospective,” as it usually denotes the near future. It is not known in Slavic

languages with the notable exception of Slovak (cf. sl. *ide pršať*), where the construction is well established.

In my talk I want to draw attention to similar phenomena in Czech, e.g., in sentences like cz. *jdu mu napsat dopis*. In Czech, the construction is rarer than in Slovak, but in principle it occurs with similar classes of verbs. The main differences between Slovak and Czech seem to be that in Czech the prospective cannot occur with non-human agents or in impersonal sentences (therefore, cz. **jde pršet*), and that in Czech there are no phraseological expressions which contain it.

Jan Ivar Bjørnflaten

INFLECTIONAL DEFECTIVENESS IN RUSSIAN: THE CASE OF THE PRESENT GERUND

Inflectional defectiveness is a situation in which potential forms of a lexeme are missing. In Russian, it is a well-known fact that the 1personSg of the verb *победить* is missing. The form **побежу* is considered non-existing, while the other forms of the verb are fully acceptable, cf. *победишь, победим*, etc. It is also a fact that some verbs lack the form of the imperative, while other lack the present passive participle. In the present paper, the circumstance that a number of verbs in Contemporary Standard Russian (CSR) do not form the present gerund (PrG), cf. **пиша, *поя, *вяжа*, will be analyzed.

It will be demonstrated that the lack of the PrG is not accidental, but can be interpreted with reference to changes in Old East Slavic and in Russian. These internal changes do, however, interplay with external factors brought forward in the codification process of CSR. The paradigmatic 'holes' created on this background are only seemingly empty. In fact, these paradigmatic 'holes' may serve as peep-holes into the historical development of the language.

Igor Boguslavskij

К ДИСКУССИИ ОБ АКТАНТАХ И СИРКОНСТАНТАХ НА НОВОМ ВИТКЕ

В этом докладе мы еще раз обратимся к вопросу о широко известном противопоставлении актантов – сирконстантов (arguments – adjuncts). В ряде недавних публикаций (Przepiórkowski 2016a, Przepiórkowski 2016b, Przepiórkowski 2017, Przepiórkowski & Patejuk 2018) заново ставится вопрос о том, что лежит в основе этого противопоставления, какие существуют критерии для проведения границы между актантами и сирконстантами и насколько оправдано его использование в конкретных лингвистических описаниях.

В этих работах высказывается предложение вообще отказаться от противопоставления актантов и сирконстантов как слишком субъективного, не опирающегося на надежные критерии и избыточного для лингвистического описания. Мы отстаиваем другую точку зрения. Мы продемонстрируем, как это противопоставление трактуется в Московской семантической школе. Оно используется в разных участках лингвистического описания и, в особенности, при объединении значений слов в значение всего предложения

Viktor Chrakovskij

СЕМАНТИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЙ КАК МОЖНО И КАК НЕЛЬЗЯ ПРИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИИ СО СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНЬЮ НАРЕЧИЯ (ТИПА КАК МОЖНО ЛУЧШЕ И КАК НЕЛЬЗЯ ЛУЧШЕ)

В докладе проводится сопоставительный семантико-синтаксический анализ выражений *как можно* и *как нельзя* при их совместном употреблении со сравнительной степенью наречия

хорошо, т.е. со словом *лучше*, когда они преимущественно выступают в роли обстоятельства образа действия при глагольном сказуемом предложения. Судя по проведенному исследованию, выражения *как можно лучше* и *как нельзя лучше*, образно говоря, являются антиподами, если рассматривать контексты, в которых они употребляются.

Во-первых, выражение *как можно лучше* сочетается с агентивными глаголами, тогда как выражение *как нельзя лучше* в основном сочетается с неагентивными глаголами. Соответственно первый участник ситуации, обозначаемой агентивным глаголом это всегда Агенс, тогда как первый участник ситуации, обозначаемой неагентивным глаголом, в роли Агенса не выступает.

Во-вторых, выражение *как можно лучше* сочетается в основном не с финитными формами агентивного глагола, а прежде всего употребляется в его конструкциях с модальными глаголами, и также в повелительной и целевой конструкции, тогда как выражение *как нельзя лучше* преимущественно сочетается как раз с финитными формами неагентивного глагола. Указанные принципиальные различия в сочетаемости выражений *как можно лучше* и *как нельзя лучше* безусловно свидетельствуют о том, что семантика этих выражений различна, что отражено в их толкованиях, которые предложены в статье.

Magdalena Danielewiczowa

O PEWNEJ FUNKCJI ZANEGOWANEGO BEZOKOLICZNIKA W JĘZYKU POLSKIM

On a function of the negated infinitive in Polish

The subject-matter of this talk are utterances with the negated infinitive of perfective verbs which refer to actions, performed on both persons and non-personal objects, undertaken with specified goals, i.e. to utterances like *Nie nakarmić czworga dzieci łyżką zupy* 'It is impossible to feed four kids with one spoonful of soup'. In the author's opinion, such constructions in Polish must be considered products of an operational unit. This operational unit should not be confused with other units which involve employing infinitive forms. The negated infinitive, primarily rhematic, functions as a marker of the main predicate in an utterance and can be used in both the present (*Nie nakarmić ...*) and the past tense (*Nie nakarmić było...*).

The operation founded on such negated infinitives serves to signal the vulnerability of the agent who is neither omnipotent nor omniscient. The agent cannot do anything which would bring about a given state of affairs; it is excluded both logically and semantically. The expressions generated by this unit are pragmatically marked by literacy and antiquity, which does not mean that they lack confirmation by data from contemporary general Polish.

Izabela Duraj-Nowosielska

DO SEMANTYKI INTENCJONALNOŚCI: POSZUKIWANIE IZOMORFICZNYCH STRUKTUR SKŁADNIOWYCH DLA PRZYSŁÓWKÓW – WYKŁADNIKÓW INTENCJONALNOŚCI DZIAŁANIA (NA MATERIALE JĘZYKA POLSKIEGO)

Towards the semantics of intentionality: searching for isomorphic syntactic structures for adverbs – exponents of (un-)intentionality of actions (on the material of the Polish language)

Adverbial exponents of (un-)intentionality (such as *celowo* 'purposefully', *niechcący* 'inadvertently', *umyślnie* 'intentionally', *nieumyślnie* 'unintentionally', *naumyślnie* '[expr.] intentionally', etc.) in typologies of adverbs are generally treated as "subject-oriented" expressions, close to mental state adverbs or even included within this class in general classifications.

The aim of this talk is to present the specificity of these expressions, and in particular to show how their basic semantic properties are reflected in the basic syntactic structures comprising them.

It is argued that the basic PA structure contains not two elements (subject of action + action expressed by VP), but three: subject (X), an intentional action (*p*) (for both intentional and unintentional structures) and the event – result of action (*q*); the speaker is interested in commenting *q*, and i-exponents (as I call these expressions briefly) acquire their proper meaning only in the context of distinguishing *p* and *q* in the semantic-syntactic structure of an utterance. This gives the construction “X by doing *p* – [i-exponent] – caused/did *q*” (imperf. structures are secondary); in this type of structure, *p* can be implicit or can be expressed either as a thematic component of VP or a subordinate construction.

In another type of structures, VP indicates (intentional) *p*, and the effect *q* is either derived contextually or expressed by a purpose/effect clause (which *also* applies to both intentional and unintentional adverbs). Sentences with i-exponents are regularly ambiguous in terms of distinguishing VP = *p* / VP ≥ *q*, and the addressee’s primary task is to recognise which textual variant s/he is dealing with, and in the case of VP > *q* – what exactly is the distribution of *p* and *q* within VP. Several interpretative factors play their role here: thematic-rhematic structure, semantics of the expressions used, the type of the predicator and, of course, the context. In semantic and lexicographic descriptions, it is essential to compare adverbs in analogical types of structures, otherwise such analyses may yield misleading results.

Maciej Grochowski

POLSKIE PRZYSŁÓWKI TEMPORALNE O POSTACI KOMPARYTYWU (WCZEŚNIEJ – PÓŹNIEJ)

Przedmiotem referatu jest analiza zależności semantyczno-składniowych między komponentami wypowiedzi zawierających przysłówki temporalne o postaci komparatywu *później*, *wcześniej* i mające znaczenie stopnia wyższego, a więc komunikujące wynik porównania właściwości dwóch stanów rzeczy. Nie są rozważane jednostki tytułowe w innych znaczeniach, np. *wcześniej* ‘poprzednio, przedtem’, *później* ‘potem, następnie’.

Jednostki *wcześniej niż*, *później niż* otwierają dwie pozycje syntaktyczne, lewostronna jest przeznaczona dla frazy werbalnej, prawostronną zajmują frazy werbalne, nominalne lub adwerbialne. Frazy reprezentują porównywane pod względem uprzedniości / następstwa stany rzeczy.

Jednostki *wcześniej niż*, *później niż* stanowią centrum fraz adwerbialnych. Ich podrzędnikami są akomodowane, ale nie konotowane przez nie, frazy liczebnikowo-rzeczownikowe. Określają one różnicę temporalną między porównywanymi stanami rzeczy. Np. *Piotr wrócił do domu dwie godziny później / wcześniej niż Ewa*.

Leonid Iomdin

МИКРОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ТЕКСТЕ И В СЛОВАРЕ MICROSYNTACTIC UNITS IN THE TEXT AND THE DICTIONARY

Некоторые микросинтаксические единицы русского языка носят вторичный характер, поскольку оказываются производными от других микросинтаксических единиц. При этом различия в семантике и в синтаксических свойствах исходной и производной единиц могут быть весьма велики, и для их адекватного отражения требуется кропотливое изучение большого массива текстов (в частности, осуществляемое в процессе глубокой разметки современных корпусов).

Примером такой вторичной единицы может служить конструкция *от нечего делать* (как во фразе *Чик от нечего делать прочёл всю эту настенную библиотеку* – Ф. Искандер).

Эта конструкция физически содержит в себе конкретную реализацию общей нестандартной синтаксической конструкции типа *негде спать*, но совершенно утрачивает ее синтаксическую специфику и практически приобретает новое значение (*от нечего делать X* ≈ 'X из-за безделья субъекта X'. В докладе будет рассмотрен ряд подобных конструкций и предложены подходы к их представлению в лингвистических ресурсах.

Motoki Nomachi

USE OF THE DEFINITE MARKER IN THE GORANI ETHNOLECT IN KOSOVO AND MACEDONIA

The Gorani ethnolect, which is spoken in three different polities today (Kosovo/Serbia, Macedonia and Albania), is characterized as Balkanized South Slavic. Although this ethnolect admittedly includes major Balkan Sprachbund features (cf. Mladenović 2001), the degree and the pattern of the evolution of each Balkan Sprachbund feature in this ethnolect has not been analyzed yet.

Filling this lacuna is important for a number of reasons: firstly, the difference of the grammaticalization degree of Balkanisms shows more detailed areal patterning of each phenomenon in a wider context of linguistic convergence in the Balkans (Sobolev et al. 2005); secondly, the fine-grained analysis of each Balkanisms can serve for the reconsideration of the generalization of the development of each linguistic category made by specialists in linguistic typology (Hawkins 2004); thirdly, case studies of the Gorani may show various patterns of "cause and effect" in a different language contact situation, as Gorani is in contact with different languages in each polity (Albanian-Gorani in Albania, BCS-Gorani in Kosovo, and Macedonian-Gorani in Macedonia).

Considering those above-mentioned points, in the presentation I analyze the use of the definite marker in the Gorani ethnolect as one of the most salient Balkan Sprachbund features, based on the material taken from my field research as well as from the contemporary literary works.

Sobolev, A. (eds.). 2005. *Malyj dialektologičeskij atlas balkanskix jazykov*. Tom 1.

Kategorii imeni suščestvitelnogo. Muenchen: Biblio Verlag.

Mladenović, R. 2001. *Govor šarplaninske župe Gora*. *Srpski dijalektološki zbornik XLVII*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti.

Hawkins, J.A. 2004. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: OUP.

Руселина Ницолова

НЕКОТОРЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Грамматикализация является сложным процессом изменения языка, в котором важную роль играют отдельные индивиды и сообщества (группы) индивидов, которые создают и распространяют инновации. Языковая система допускает инновации полностью или частично, с ограничениями, а иногда и не допускает. В работе представлены примеры последнего типа в болгарском языке: синтетический кондиционал – *ядвам, ядвах* 'я бы кушал' – не принят, презумптив используется с ограничениями, как и экзистенциальный пассив с *habere*.

Сделан обзор некоторых социолингвистических работ о механизмах грамматикализации: неodarвинистской теории W. Croft (2000), теории R. Keller (1994) о невидимой руке, ценной работы Petré, Van de Velde (2018) о реальной динамике индивида и сообщества при грамматикализации.

Рассмотрены разная психолингвистическая и социальная характеристика индивидов и их групп, как и прагматическая характеристика инноваций в несколько случаях грамматикализации в болгарском языке: замещение вокативной формы собственных имен общей формой при обращениях под влиянием иностранных языков без вокатива, новые обращения типа *баща ми* 'отец мой', новые диминутивы абстрактных существительных типа *радост-чуца* и др.

Jarmila Panevová

K VYBRANÝM TYPŮM DEVERBATIVNÍCH ADJEKTIV V ČEŠTINĚ

Česká adjektiva systémově tvořená od přičestí a přechodníků zpravidla představují syntaktickou derivaci (transpozici, translaci) slovesa v nominální vyjádření. Stranou produktivního tvoření (*zapadající, zapadavší, zapadáný, zapadnutý*) stojí tvoření od *-l* přičestí (*zapadlý, padlý*). Při srovnání českého systému s ruským se ruské paradigma takových deverbativních adjektiv jeví jako pravidelnější.

V příspěvku bude podrobněji ilustrována pozice adjektiv na *-lý* v konkurenci s pravidelněji tvořenými adjektivy na *-ící, -vší, -ný/tý* na jedné straně, tak jejich sémantický přínos k významu zdrojového adjektiva vylučující vzájemnou náhradu těchto adjektiv, popř. nemožnost jejich zaměnitelnosti na straně druhé.

Patrice Pognan

O PŘÍSLOVČÍCH V ČEŠTINĚ

Dlouholetá práce a zkušenost automatizace fonomorfologie češtiny mě vedla k pojmu „vypočitatelnosti“. V rámci automatické morfologické analýzy češtiny je nutné vyhledávat co nejvíc pravidelností. V tomto ohledu vypadá lexikální kategorie příslovčí spíše jako koš na odpadky. Prozkoumával jsem tedy jev, který bych rád nazval „pravá příslovce“, která jsou odvozena přímo od přídavných jmen. Kladl jsem důraz hlavně na skupinu příslovčí, která na základě přídavného jména vytvářejí současně dvě formy příslovce zakončené na „ě“ a na „o“. Tuto skupinu považuji za důležitou jednak vzhledem k automatické analýze, jednak proto, že výklad pro výuku češtiny nebývá u nich dostatečně jasný. Vyžaduje především, aby byly jmenné tvary tvrdého přídavného jména správně vyloženy. V severních slovanských jazycích je jmenná forma (oproti jižním slovanským jazykům) málo viditelná, i když je velmi hojná v odvozených formách.

mužský rod	ženský rod	střední rod	příslovce	kategorie
suchý	suchá	suché	suše	příslovce na « ě »
such	sucha	sucho	sucho	jmenný tvar přídavného jména
		sucho	sucho	příslovce na « o »
		sucho	velké sucho	podstatné jméno

Od přídavného jména „suchý“ se odvozují dvě příslovce:

- za první příslovce zakončené na „ě“, které by bylo skoro možné řadit do rámce skloňování: such-ě → suše.

- za druhé pak jmenný tvar zakončený na „o“ (jednotné číslo středního rodu): *sucho*. Tyto tvary mají v současné češtině hodnotu příslovce: *nutno, možno*, ale také *sucho, ticho*,...

Hodnota těchto tvarů se však dále posouvá na hodnotu podstatného jména vzoru „město“, jakmile se přidává nějaké rozvití: přídavné jméno („*hluboké ticho*“), předložka („*po tichu*“).

Posloupnosti „*na sucho*“ a „*po suchu*“ jsou předložkové jmenné skupiny. Píše se bohužel čím dál tím víc „*nasucho*“ a „*posuchu*“, což je potom označeno jako příslovce (Havránek - Jedlička, Česká mluvnice, SPN, Praha, 1960, str. 191), tedy nepravá příslovce. V takovém případě se mi zdá aglutinace nežadoucím jevem.

Rád bych se ještě zmínil o tom, že pokud existují společně obě příslovce (jako v mém příkladě: *suchý* ☞ *suše* a *sucho*), tak se sémanticky liší. Forma na „o“ bývá konkrétnější (*je letos velké sucho*), forma na „ě“ mívá spíš přenesený význam (*odpověděl suše*).

Ljudmila Popović

ПРАГМАТИЧКА СТРУКТУРА СИНТАКСИЧКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗАМА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ У ПОРЕЂЕЊУ СА ДРУГИМ ИСТОЧНОСЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

На примеру анализе идиоматизованих конструкција у српском и другим источнословенским језицима биће показано да наспрам структурној шеми реченице коју чини њено граматичко језгро – глагол са актантама, основу синтаксичких фразеологизама чини *прагматичка структурна шема исказа*.

Као што се синтаксичке структурне шеме реченице разликују од језика до језика, тако се и прагматичке структурне шеме исказа разликују формирајући прагматички потенцијал одређеног језика.

Уколико ширу структурну шему реченице формира глагол у предикату и његови синтаксички актанти, који чине реченицу синтаксички и информативно завршеном, прагматичку структурну шему синтаксичког фразеологизма одређује стабилна базна компонента – носилац илокутивног напона исказа, и прагматички условљене променљиве које чине исказ комуникативно успешним.

Полазећи од чињенице да променљиве у синтаксичком фразеологизму нису условљене синтаксичком валентношћу предиката већ својеврсном „прагматичком валентношћу“ базне компоненте, биће размотрене поједине прагматичке структурне шеме исказа у српском језику и упоређени њихови основни модели са аналогним моделима у другим словенским језицима.

Биће показано да као што постоји синтаксичка парадигма реченице која је заснована на трансформативном потенцијалу њене дубинске семантичке структуре, тако постоји и прагматичка парадигма исказа, која је производ трансформације његове дубинске прагматичке структуре. Прагматичке трансформације синтаксичког фразеологизма зависе првенствено од таквих елемената као што су број прагматичких актанта базне компоненте, интонација, ред речи и сл.

Рецимо, практично неограничени деривативни потенцијал синтаксичких фразеологизама са речцом *ма* и прилошким или придевским упитним заменицама у српском језику (*Ма какав снег!* 'Нема и неће бити снега'; *Ма каквих купила!* 'Погрешан закључак, наравно да нисам купила'; *Ма где заборавила!* 'Наравно да нисам заборавила' и сл.) можемо објаснити тиме што речца *ма* у српском језику служи као иницијални маркер реактивних адверзативних исказа. Са друге стране, упитне прилошке и придевске заменице, које такође улазе у овај тип синтаксичких фразеологизама, прагматички су засноване на негирању (недостатак информације у прагматичкој равни читава се као негација постојања знања). Како епистемичка основа упитних речи у прагматичкој равни речи бива изостављена, илокуција негације у комплексу са реактивном адверзативном речцом *ма* чини наведене

конструкције погодним за употребу у реактивним исказима којима се изражава неслагање или порицање.

У источнословенским језицима конструкцијама овог типа одговарају оне које садрже адверзативну речцу *да* или *та*, којом уобичајено почиње реактивни исказ неслагања, као и упитне речи, уп. (рус.) *Да как же не заметить!* 'Ма како нисам приметила!' (укр.) *Та звидки в мене гроши!* 'Ма одакле ми новац!' итд.

Посебну пажњу истраживача привлаче они елементи базне прагматичке структуре, који су типични за сваки конкретни тип језика. На пример, у српском језику такав елемент представља прагема генерализације, чији су показатељ речи са значењем уопштавања. Тако, универзални квантификатор *све* или општекатегоријално употребљена реч *човек* у српском језику обично улазе у базну компоненту синтаксичких фразеологизама којима се изражава негативна оцена информације у реактивном исказу, нпр.: *Шта све човек може да измисли!* 'Мислим да је ова информација лажна'. У источнословенским језицима такав специфичан прагматички показатељ представљају месне прилошке заменице или негација, нпр.: (укр.) *Та куди там забула!* 'Ма каквих заборавила!' (рус.) *Чего только здесь нет!* 'Шта ту све има!' итд.

У раду биће показано да овакав приступ анализи синтаксичких фразеологизама чини је погодном за контрастирање идиоматизованих конструкција у различитим језицима.

Tilmann Reuther

О СИНТАКСИСЕ «СУРЖИКА»

Наряду со своими фонетическими, морфологическими и очевидными лексическими особенностями суржик заслуживает внимание также относительно синтаксиса, в частности потому, что в исследованиях о code-mixing известен такой тип как congruent lexicalisation (Муыскен 2000). Суть конгруэнтной лексикализации сводится к тому, что одна и та же синтаксическая структура высказывания заполняется лексическими элементами из двух языков. Применительно к суржику эти два языка - украинский и русский языки, а синтаксические структуры – это структуры устной разговорной речи.

Материалом исследования являются транскрипты записей устных интервью в рамках австрийско-немецкого исследовательского проекта (FWF-DFG-Project **HYBRIDIZATION FROM TWO SIDES: UKRAINIAN-RUSSIAN AND RUSSIAN-UKRAINIAN CODE MIXING IN THE CONTEXT OF THE (SOCIO) LINGUISTIC SITUATION IN SOUTHERN UKRAINE ALONG THE BLACK SEA COAST** (Reuther- Hentschel & Co, 2019 -2023).

ja p*eršé úr*emja, kol*y pryj*ixala ú od*esu, ja hovor*yla na svoj*emu s*uržyku. a pot*om tak abstaj*atíl'stva sl*ažujuc'cja, šo vot ty panim*ajiš: ty j*idéš, nu, od*esa [-] rosijs'kom*óúné m*isto, i ty j*idéš ú maršr*utkí. zn*ačyt', tut ú osnoún*om úsi hov*orjat' na ros*ijs'kij m*ovi, ú tom čislj*e i maršr*utč'yk. to_jíst' jakš*o ot ja pryjd*u i sk*ažu: "mén*i na tak*ij-to ostan*óúki od*yn", to vin m*ože né ponj*at'. nu, t*o_jíst' mén*i pryx*odyc'cja péréključ*yc'cja na ros*ijs'ku m*ovu, i b*ystro sformul*irovat' c*e ús'o, i skaz*at' na ros*ijs'kij m*ovi.

Sergey Say

CAUSAL CONJUNCTIONS IN 19TH CENTURY RUSSIAN

By the beginning of the 19th century, Russian possessed a very rich system of causal conjunctions that stemmed from diverse sources (*убо*, *потому* and its derivatives, *ведь*, *так как*, *оттого* and its derivatives, *зانه*, etc.). The choice between these markers was largely dependent on discourse mode and style: e.g. some conjunctions (most notably the otherwise very frequent *убо*) were

avoided in verse, whereas others were, by contrast, largely associated with (specific genres in) poetry. Genre restrictions played a dominant role in prose.

However, in the course of the 19th the system of causal conjunctions underwent a significant restructuring. First, some items drastically decreased in frequency, with some approaching the point of non-existence. Second, even more interestingly, the genre-governed system transformed into a function-governed system, where major competitors, such as *ведь* and *потому что* first of all, were mainly distributed according to their pragmatic value (givenness, assertion etc.), whereas genre restrictions loosened.

In my talk, I am going to analyze these developments from a quantitative corpus perspective. Special attention will be paid to discourse functions of causal conjunctions as well as to Pushkin's reform in the domain of syntax.

Karolína Skwarska

FAKULTATIVNOST ODKAZOVACÍHO VÝRAZU V KORELATIVNÍCH SPOJENÍCH SE SPOJKOU V ČEŠTINĚ

V referátu se zaměříme na povrchové vyjádření odkazovacího výrazu – zájmena *to* v různých tvarech – v českých větách (... *přemýšlel, že by měl omezit pití* x *Přemýšlel o tom, že se přestal zajímat o nejbližší lidi kolem*). Zajímat nás budou posuny významu slovesného lexému, stylová příznakovost, možné vyjádření příčiny ve vedlejší větě. Rozdílné je lexikografické zpracování tohoto jevu ve valenčních slovnících. Pro analýzu využijeme příklady z Českého národního korpusu.

Hannu Tommola

О СКЛОННОСТИ К ОТРИЦАНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Негопетальные слова (напр. *кто-нибудь*, чешск. *ani*, финск. *edes* 'даже не', *häävi* 'неважный', англ. *either*, шведск. *heller* 'и не'), словоформы (*терпелось*), клитические частицы (*ни*; финск. *-kAAn* 'и не; ни') и обороты речи (*ахти (как, какой)*) встречаются, в первую очередь, в отрицательных предложениях, кроме того, в вопросительных предложениях и в других формально утвердительных, но по значению отрицательных контекстах, а также в условных и сравнительных конструкциях (*больше, чем где-нибудь еще*, англ. *better than anywhere else*).

В современной лингвистике выделяют под *negative polarity items* обычно полуграмматические элементы, в сущности логические операторы: неопределенные местоимения типа *какой-, кто-, что-нибудь*, англ. *any*, обстоятельственные слова (англ. *either*, чешск. *ani*), минимизаторы типа *ни фигу* (1), англ. *a drop, a wink*, при чем значение минимальной меры может быть инкорпорированным в лексической семантике глагола, напр. англ. *budge* (2).

(1) *При этом мужа рогатит почём зря, свекровь глубочайшим образом презирает, а на работе устраивается так, что ни фигу не делает, то берёт работу на дом, то у неё свободные дни, то командировки.* (Трифонов, *Предварительные итоги*)

(2) *If someone or something will not **budge**, they will not move. If you cannot **budge** them, you cannot make them move* (*Collins Cobuild Dictionary*)

Предварительный анализ переводных соответствий ок. 20 финских глаголов, практически не выступающих без отрицания, показывает, что в русском языке только в редких случаях имеется прямой глагольный эквивалент с такой же негопетальной характеристикой. В качестве примера о русских глаголах, встречающихся почти исключительно с отрицанием, можно привести *деться* и *церемониться*.

Негопетальность часто связано с фразеологизацией, при чем к отрицанию тяготеет лишь одна или часть форм слова, напр. *терпелось*. В русском языке чаще, чем негопетальность

самого глагола, наблюдаются односоставные отрицательные сказуемые типа *ничего, некогда, ни гугу*. Во фразеологии, безусловно, можно обнаружить значительное количество примеров, похожих, напр., на *ни фига* (1).

Daniel Weiss

КОНСТРУКЦИИ НЕОЖИДАННОСТИ ТИПА *ОТЕЦ ВЗЯЛ И УМЕР*: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ИЗ НКРЯ)

В докладе рассматриваются историческое развитие и изменение структурных свойств трех псевдо-сочинительных конструкции *взять да / и / да и V₂* и сериальной конструкции *взять V₂* с общим значением 'неожиданно сделать V₂'. Освещается их статистическое распределение в историческом корпусе, состоящем из 683 вхождений из НКРЯ.

Особое внимание уделяется источникам и доли двузначных примеров, параллелям и расхождениям с так наз. двойными глаголами, вкладу дополнительных маркеров неожиданности ("нарративный" императив, наречия типа *вдруг* или *ни с того ни с сего*), другим употреблениям императива и проявлениям поступающей грамматикализации вроде неконтролируемых событий (чаще всего смерти "героя"), обозначенных V₂, и неодушевленных подлежащих. Обсуждаются также отдельные случаи контекстуально обусловленных прагматических эффектов.

Björn Wiemer

ЖАНРЫ, ИЛЛОКУЦИИ И ВИДОВАЯ СЕМАНТИКА: О КЛАССИФИКАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЙ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Области, охватываемые так наз. настоящим временем, является наиболее расплывчатой и многогранной по сравнению с областями применения прочих грамматических времен. К тому же, всем славянским языкам свойственен довольно четкий грамматический раздел между прошедшим и не-прошедшим (*past / non-past*), но в области не-прошедшего деление на так наз. настоящее и будущее осложняется взаимодействием с видом.

Это взаимодействие в севернославянских языках привело к тому, что основы совершенного вида (СВ) лишены морфологического различия между настоящим и будущим: основы наст. времени СВ считаются будущим по умолчанию, но нельзя отрицать довольно веский «резидуум» функций, которые уместнее причислить к разным, в основном «неактуальным», функциям наст. времени. В отличие от этого в южнославянских языках показатели будущего времени сочетаются с основами обоих видов, вследствие чего наст. и буд. времена четко различаются морфологически. Заодно наблюдаются более или менее жесткие ограничения по употреблению основ наст. вр. СВ.

В докладе пересматриваются критерии подразделения употреблений, относимых к настоящему времени. Главные линии подразделения проводятся по различиям временной (не)локализованности, с упором на типы повторяемости и их связи с модальными значениями, с одной стороны, и по употреблениям, в которых либо снимается релевантность момента произнесения (как в нарративном режиме), либо иллокутивная функция высказывания не «отсоединяет» обозначенную глаголом ситуацию от момента речи. При этом указывается на влияние «разночтений» некоторых употреблений в зависимости от их иллокуции и повторяемости на классификацию функций форм наст. времени (прежде всего СВ).

В результате предлагается схема, которая способна выявить ряд «невральгических зон», появляющихся прежде всего из-за функционального пересечения с буд. временем, и которая, тем самым, поможет (☺) улучшать сопоставление функций, выделяемых для форм наст. времени в разных славянских языках.

Anatolij Zahnitko

СЕМАНТИЧНА МОДЕЛЬ ПРИЙМЕНИКА: ВНУТРІШНЯ ЦІЛІСНІСТЬ І ПЕРЕРВНІСТЬ

З'ясовано питання кваліфікації прийменникової категоризації з визначенням основних етапів розвитку вчення про прийменник. Актуальними є питання: ємності класу прийменникових одиниць – від усталеного реєстру (первинні і вторинні) в національних мовах до розширення за рахунок охоплення прийменникових еквівалентів, аналогів. Окремо скваліфіковано **морфологію прийменника, синтаксис прийменника, функційно-граматичне поле прийменника**, де перша охоплює належність прийменника до основних, первинних, чи вторинних, вирізнення серед останніх власне прийменників зі встановленням ступенів оприйменникування, а також дериваційна характеристика прийменникової одиниці. **Синтаксис прийменника** містить не лише керування – вказівку на іменниково-відмінкову, з якою він утворює семантичну цілісність (за однією термінологією (І. Мещанінов, Є. Курилович, І. Вихованець)) або якою він керує (У. Енгель, зараховуючи прийменники до часток, вважав їх спроможними керувати іменними (↔ іменниковими) за допомогою відмінка), але й формування семантичної цілісності лінійної одиниці. Поняття ж **функційно-граматичного поля** об'єднує під час аналізу первинні прийменники зі всіма похідними одиницями у функції прийменника – тими, які зазнали повного оприйменникування, й тими, що перебувають на певному етапі прийменникової граматизації (↔ граматикалізації), як, наприклад, мотивовані прийменники з **на: на межі, на рубежі, на чолі, на згадку** та ін. Розглянуто й історію питання з окресленням функційного навантаження проекту «Слов'янські прийменники в синхронії та діахронії», результатом якого постало створення словників українських (Г. Ситар, І. Данилюк та ін.), російських (М. Всеволодова, К. Виноградова та ін.), білоруських (М. Конюшкевич), польських (Ч. Ляхур) прийменників. Одним із етапних моментів опрацювання проекту є формування принципово новітнього системного підходу до прийменника як частини мови.

Метою розгляду постає висвітлення особливостей прийменникової граматики на матеріалі прийменника *на* (а також його похідних, які містять цей прийменник) із визначенням цілісності та перервності його семантики.

Сучасний український прийменниковий фонд не постає замкнутою величиною, оскільки постійно активно поповнюється за рахунок особливих відіменникових похідних типу *на адресу, в особі, на знак, в ім'я, у порядку, на противагу, в руках, від імені, в руслі, у світлі, у сфері, на шкоду, на честь, за рахунок, на ґрунті, на очах, на межі, на правах, на тлі, на руках, під кінець, під знаком* та ін., де особливу активність виявляє прийменник *на*. Це мотивовано його специфічним статусом у прийменниковій системі, адже він поєднує в собі абстрактне й конкретне значення і є одним із найбільш багатозначних прийменників і в якому простежувані відбитки первинної категорійної семантики. Якщо поглянути на семантичну прийменника *на*, то на ній відбито усю значеннєву розмаїтість: а) просторові (1 – 8); б) часові (9 – 10); в) обставинно-означальні (11 – 18); г) обставинно-цільові (19); ґ) обставинно-причинові (20); д) обставинно-об'єктні (21 – 32); е) означальні (33 – 36); є) кількісно-означальні (37 – 40) (за СУМ: В 20-ти т.), де не охоплено відтінків. Просторова семантика охоплює 20% загальної значеннєвої множинності, подібно й обставинно-означальні, натомість обставинно-об'єктна (↔ об'єктна). Ієрархічно найвища субстанційно-просторова семантика є тим ґрунтом, на якому

розвиваються інші значення, поступово розмиваючи семантичну цілісність та утворюючи різного виміру перервності прийменника *на*.

Особливий функційний статус прийменника та його частиномовну категоризацію відбито у твердженні про те, що прийменник «перебуває на перетині двох світів – світу морфології, де він є словом, і світу синтаксису, де він постає службовою грамемою, ізоморфною морфемі в слові. Саме ця друга його іпостась і перешкоджає розглядати прийменникотворення в межах словотворення, оскільки препозиціоналізація зазвичай завжди транспозитивна. Розглядаючи прийменник *на* та його аналоги в білоруській мові, М. Конюшкевіч розмежовує *на*¹ і *на*² на підставі особливостей керування, де *на*¹ із вирізненими 77 значеннями – це керування знахідним, а *на*² зі встановленими 32 значеннями – керування орудним. Okремо скваліфіковано прийменникові аналоги *на абарону* (на оборону), *на абводзе* (на узбіччі), *на аблоні* (на периметрі), *на абочыне* (на узбіччі), *на абломках* (на уламках), *на абслугоўванне* (на обслуговуванні), *на абсягах* (на обсягах), *на абшарах* (на територіях), *на абшарах ад ... да* (на територіях від ... до), *на ... вышэй ад* (на ... вище від), *на ... ад* → *на паўкрок ад* (на ... від → на півкрок від), *на які час ад* (на який час від) – загалом **438 одиниць** (подібна кількість із різними похибками засвідчена в українській, російській та польській мовах), що свідчить про високу інтенційність прийменника *на* та його синтаксемотвірний потенціал, широке функційно-граматичне поле. У разі наявності приіменникового атрибута іменник не втрачає повністю своєї лексико-семантичності, але в межах прийменникового аналога дещо нейтралізує її повноцінність. Ч. Ляхур у польсько-російському словнику вторинних прийменників та одиниць у функції прийменників в реальному вжитку вирізняє 615 прийменникових аналогів, охоплюючи різноманітні утворення з тими чи тими атрибутивними або іншими конкретизаторами, пор., наприклад: *na północnym krańcu*, *na północnym skraju*, *na północnym wschodzie od*, *na północnym zachodzie*, а також можливі відмінкові варіанти: *na prawą stronę*, *na prawej stronie*, *na lewą stronę*, *na lewej stronie* та ін.

У прийменникових аналогах найпотужніший дериваційний потенціал притаманний первинним прийменникам, з-поміж яких прийменник *на* є високочастотним. У прийменникових аналогах на семантику прийменника *на* нашаровуються значення складників, але саме прийменник продукує синтаксему, що підтверджує його регулярний синтаксемотвірний потенціал. Інтервальність сполучення з іменником, оскільки наявний атрибутивний компонент, формує відносну перервність.